

Сов. культура, 1981,
24 марта

актер на телевидении

ЕДВА ли не раз в неделю телевидение дарит нам очередную спектакль, то фильм, то бенефис, то еще какое-либо зрелище, главным действующим лицом которого является актер. Об актере на телевидении говорят и пишут много. Это целая тема, а тема неслучайная. Подлинные успехи здесь не так часты, как хотелось бы и как представляется возможным. Отчего? Позвольте и мне высказать свое мнение по этому поводу.

У голубого экрана зритель ощущает себя хозяином, принимающим гостей. Если гость редок и именит, визиту предшествуют специальная подготовка и праздничное ожидание. Если знакомство более близкое, гость, так сказать, свой человек в доме, ему могут сказать: мы вам рады, но не обижайтесь, если мы продолжим свои занятия.

С одной стороны, происходит столь необходимое общение, с другой — роль хозяина сведена к минимуму, крайне удобна и не хлопотлива.

Роль гостя в данном слу-

чае более сложна, и наиболее чуткие люди, связанные с телевидением, это понимают. Визитеры расположены к задумчивой беседе, они обаятельны, приветливы, хотя доставить своим присутствием как можно больше удовольствия. Визит рассчитан таким образом, чтобы не пропало желание встретиться вновь и вновь.

И гость своего достигает: в какой-то момент мы уже не можем жить без стремительной музыкальности X, без загадочности Z, жизнь потеряла бы остроту и без иронии Y. Контакт кажется вечным: зритель обретает любимца, актер — популярность.

Но свидание за свиданием раскрывает предмет увлечения всесторонне, и вот зрители ловят себя на том, что за улыбкой обязательно последует именно этот, а не какой-либо другой. жест и слово, сказанное как бы в «про-

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

брос». И слезы, которые еще недавно приводили в отчаяние, покажутся театральной уловкой, ибо за ними ясно увидится техника, а не чувство. И, возможно, даже не задумываясь об этом, а лишь нажав телевизионную кнопку, зрители разорвут ту связь, которая еще вчера была им так нужна. Кумирам, как известно, ничего не прощают.

Но как только сердце закрывается для одного героя, на волнующем экране возникают новое лицо, новая улыбка, новый голос. Этот круговорот необратим и неизменен: свято место, как известно, пусто не бывает. И вот на пороге уже новичок: Андрей Харитонов — Овод...

Однако вернемся к тому времени, когда актер играет много и играет хорошо. Этот период в его судьбе связан с весьма понятным головомужением: вера в неизбежность сегодняшнего дня

заслоняет печальный опыт других. Вера в свои силы, конечно, прекрасна, но она помогает до тех пор, пока не начинает превалировать над всем. Это и есть начало кризиса, и необходимо загладить в свое «телезавтра» в самые счастливые минуты, а не тогда, когда судьбу уже откорректировала жизнь.

Попав в трудное положение, актер начинает думать о причинах неудачи. С горечью вспоминает плохие пьесы и сценарии, в которых тем не менее согласился играть. Если же литература хороша, вина перекладывается на режиссера: поверхностный, нетребовательный, он эксплуатирует данные актера и только. Могут «подвести» и партнеры — на телевидении нет стабильной труппы, и для того, чтобы привыкнуть друг к другу, сыграть не вразнобой, нет времени.

Звеньев этой печальной цепи не перечесать, но рано

или поздно глаза обращаются «зрачками внутрь», и тогда выясняется, что на алтарь популярности положено слишком многое, положено то, без чего нельзя творить. Осталось прежнее желание работать, но первые и сердце пугающе равнодушны.

И тогда происходит подмена. Перевоплощение — постижение душевных тайн персонажа уступает место поискам внешних атрибутов образа. Роль теряет многомерность, становится плоской, скучной; самые изощренные режиссерские ухищрения не в состоянии заманить правду чувств, которую дано выразить лишь актеру. Режиссер в состоянии направленья не в состоянии заманить правду чувств, которую дано выразить лишь актеру. Режиссер в состоянии направленья не в состоянии заманить правду чувств, которую дано выразить лишь актеру.

А между тем телевизионное искусство предъявляет к исполнителю жесткие, непривычные требования и тем самым ускоряет процесс

амортизация личности. Большой объем работы, необходимость существовать в кадре 8—10 минут, что чрезвычайно трудно, особенно если учесть, что глаз кинокамеры не терпит фальши, ограниченное число тактов, репетиции, сведенные к минимуму... И все это, как правило, от 3 до 6 часов, то есть в часы самые эмоционально пустые для актера, но зато свободные от утренних репетиций и вечерних спектаклей.

А. Заславская, автор опубликованной в «Советской культуре» статьи «Актер в предлагаемых обстоятельствах», считает, что исполнитель, попав на телевидение, должен стремиться к особому подходу к роли, к новой условности, невозможной ни в кино, ни в театре, экспериментальной по отношению к ним; я же думаю, дело не в этом. Способ актерского существования в образе един, условия же, при кото-

рых этот образ создается, разные.

Театр в какой-то степени дает актеру возможность скрыться за обилием ранее выработанных приспособлений, в кино ему на помощь приходит монтаж — в трудную для исполнителя минуту режиссер может «прикрыть» его, вывести из кадра. ТВ требует полного и неподдельного существования, причем, как уже говорилось, на более длительном отрезке времени. Вездесущая камера не позволяет актеру скрыть наступающий спад, делает более явными внешние проявления внутренних пустоты. Разница между мастерством и ремеслом проступает яснее: некогда найденная индивидуальная манера от многократного тиражирования становится знаком состояния, а не подлинности. Штамп же не только

не будоражит воображения, но сводит его на нет.

Работы высокого класса требуют всего человека, отдачи буквально всех его душевных сил, а это, в свою очередь, требует столь же активного восполнения. Процесс этот индивидуален — одного вдохновляет и «питает» литература, другого — музыка, живопись, философия, нравственное самознание. О познании жизни я не говорю — это подразумевается само собою.

Силы художника не бесконечны, и он должен помнить об этом в момент успеха, момент взлета. Самоконтроль способен предостеречь от устрашающего компромисса, от невольной возникающего желания найти виновника неудач в ком угодно — в партнере, режиссере, сценаристе, но только не в самом себе. Возможно, что при строгой требовательности к себе артист станет более редким гостем на экране, но зато, я уверен, более желанным.

Роман ВИКТОК.